

В зале ресторана было накурено. Не твёрдой походкой выйдя за дверь, вдохнув прохладного, морозного воздуха поздней осени я слегка протрезвел. Темное бархатное небо щедро осыпало сверкающий миллиардами разноцветных огней город капельками дождя. Ресторанная дверь распахнулась и возле меня остановилась высокая стройная женщина лет 40. Тонкий язычок пламени в её пальцах на секунду осветил тонкие черты лица и длинные кудри тёмных волос.

— Какая чудесная ночь. Как красиво.

— Вы находите? Довольно холодно и сыро.

— А мне нравится осень. А вам, наверное, лето?

— Как вы угадали? — иронично улыбнулась она, стряхивая пепел в порыв ночного ветра.

— Вы знакомая Михаила?

— Нет. Я подруга его жены.

— А вы?

— Я его старый друг. Мы дружим с Университета. Кажется, вчера мы были студентами, а сегодня отмечаем его юбилей.

— Я не люблю дни рождения и юбилеи.

— Я тоже. Кроме этого.

— Почему?

— Благодаря нему я встретил красивую и милую женщину.

Её тонкие брови на секунду удивлённо взлетели, и иронично посмотрев, она спросила: «Вы находите?»

— Как вас зовут?

— Элла. А вас?

— Меня Игорь.

— Мне почему-то кажется, что я вас где-то видела.

— Я работаю в Городской администрации, встречаюсь со многими людьми. Возможно, мы встречались.

— А я работаю в Университете.

— Извините, если я что-то не так говорю, я обычно столько не пью.

— Я вас отвезу.

— Нет. Я поеду на такси. Машину придется оставить.

— Нет, не спорьте.

Прощальный взмах руки, и новенький Фольксваген, фыркнув мотором, оставил меня у моего подъезда.

Через несколько дней, я взял у Михаила номер телефона Эллы и позвонил.

Её удивлённый голос в телефоне в конце-концов согласился встретиться.

Я сидел за столиком, и, коротая время, разглядывал посетителей. Внезапно дверь открылась и на пороге появилась она. Улыбнувшись, направилась ко мне. Я невольно отметил высокую грудь не рожавшей женщины, стройную фигуру, длинные ноги. Усевшись за стол, она закинула ногу за ногу, завертела в длинных пальцах тонкой сигареткой.

— Официант, пепельницу! — воскликнула она, притормозив пытавшегося проскользнуть паренька.

— Устала? — спросил я, глядя в побледневшее лицо.

— Да. Не важно. Не зависимо ответила она. И мы принялись болтать о разных пустяках. Я развлекал её разными историями, которых было у меня в избытке.

Мы договорились созвониться в конце недели.

И в конце недели я был приглашён. Захватив бутылку вина, полетел на крыльях любви в предчувствии хорошего переписхона. Но, как не странно вечер был проведён за просмотром телевизора и рассказами о жизни. Несколько поцелуев в щёчку были пресечены. Моя ладонь, которую я положил на круглую и упругую попку, была немедленно убрана. Элла, отодвинувшись от меня, сидела на другом конце дивана, испуганно и чуть возбуждённо косясь на меня большими голубыми глазами. Её колени были сжаты. Ну, что ж, насильно мил не будешь. С тем я и покинул её жилище, решив больше туда не возвращаться. Но, через несколько дней раздался звонок, и низкий, чуть с хрипотцой Эллин голос поинтересовался: как дела?

Мы продолжили встречаться. Элла разоткровенничавшись, рассказывала о себе, и о том, как она бывает, груба, как иногда хамит людям и коллегам на работе, сожалея потом об этом, но не в силах сдержаться. И о том, как это мешает ей в жизни. Несколько раз я был свидетелем этих безобразных сцен. Я все это внимательно слушал и наблюдал. Элла, безусловно, леди. Леди, у которой шалют нервы и которая совершенно не воспитана.

И делал из всего этого определённые выводы.

Дождливым вечером я постучал в её дверь. Элла, привычно подставив щечку, пропустила меня в комнату. Непроизвольно я обратил внимание на узенькую полоску трусиков облепивших крепкую мускулистую попу под тонкой тканью брюк и на глубокий вырез блузки, обнаживший упругую грудь, узкую полоску лифчика.

Мы выпили. Через не которое время Элла опять завела повествование о том, как она грубо нахамила и теперь от этого страдает.

— Знаешь, я могу помочь тебе.

— Как?

— Я знаю, что тебе не обходимо выработать что-то вроде рефлекса, что так говорить и делать нельзя.

— А что для этого нужно? Она удивлённо захлопала ресницами.

— Прежде всего, ты должна полностью довериться мне, и помнить о том, что всё, что мы будем делать — для тебя. Что ты хочешь этого. Обещаешь? Обещаешь?!

— Да. Негромко, глядя большими голубыми глазами в мои глаза, сказала она.

— Встань и пройди на середину комнаты, стань передо мной.

Она поднялась с дивана, и встала передо мной в нескольких метрах, улыбаясь мне.

— Сними брюки и блузку.

— Что? Она покраснела, думая, что я специально для этого всё это затеял.

— Элла, помни, о чём мы говорили.

Она, не спеша, всё ещё не понимая, сняла блузку и брюки.

— Теперь стань ровно, опусти руки.

Элла меня порадовала красивыми чёрными трусиками, впившимися в круглую, мускулистую попу, и того же цвета лифчиком, поддерживающим снизу упругие полушария грудей. Она была стройна, тёмные пряди волос, овальное, бледное лицо, тонкие алые губы, большие, округлившиеся от волнения глаза, длинные ресницы. Округлые плечи, упругая, круглая

грудь, длинные, тонкие кисти рук, тонкая талия, плоский живот. Длинные ноги, тонкие в ладышках. На ней были лакированные черные туфли на не большом каблукке, что придавало ей дополнительный шарм.

— В прихожей, в плаще, для тебя подарок. Принеси его.

Элла удаляясь, застучала каблукками.

— Вот это?! — она протягивала мне свёрнутый в клубок широкий кожаный новенький ремень. В её глазах плясали страх и удивление.

— Да. Ремень. — Сказал я спокойным голосом, отстраняя её руку. Теперь встань на середину комнаты, вспомни, о чём мы говорили. Выпрямись. Пятки вместе, плечи назад. Руки согни в локтях. Ремень сложи вдвое и держи на вытянутых вперёд ладонях. И успокойся. Я подожду. Спустя пару минут я потребовал снять лифчик.

Освобождённые груди указали в небо торчащими сосками.

— Подойди к дивану.

— Положи ремень.

— Опустись на колени. Лицом на диван. Спусти трусы.

— Элла. Элла! Ну же. Будь мужественной. Смелее. Я жду.

Я наблюдал, как красивая сорокалетняя женщина, не решаясь сломать себя, тянет в нерешительности время.

Я подошёл и положил руку ей на плечо.

— „Меня никогда, никогда, никто…“, — шепчут мне в ухо её горячие губы…; Лёгкий нажим — и вот уже она на коленях, прижалась щекой к подушке дивана, рассыпав по ней волнистые тёмные волосы.

— Трусики, Элла. Трусики. Сама. Сама!

Она покорно, пальчиками спускает к коленям чёрные трусики, чуть прогибаясь, замирает в ожидании.

Вот и перешла она эту хрупкую грань. Я несколько секунд рассматриваю выставленную ею на обозрение круглую упругую попу, и аккуратно подбриту розовую расщелину влагалища. Заглянув в ягодицы, понимаю, что первый анальный секс у Эллы — впереди.

Удар ремня.

— Ай — й — й — й!!!

Прижимаю кисти рук к крестцу.

Второй удар сильнее, он зажигает розовую полоску поперёк первой.

Затем мы обсуждаем случай, за случаем её хамского поведения, заканчивая каждый из них обговоренным количеством ударов по розовой, горячей попе.

Элла, жалобно всхлипывает

Первое телесное наказание в её жизни.

— Это

поможет тебе сдерживаться и приучит к благоразумию. Ты поняла?

— Да.

— Вот и хорошо. Ты забыла об одной важной вещи.

— Какой?

— Поблагодарить меня.

— Спасибо.

— Нет. Не так.

— А как?

Я, приподняв, ставлю её на колени лицом к себе, она смотрит снизу вверх. Я спускаю брюки. Перед её лицом, почти касаясь губ, висит мой член.

Она раскрывает рот, нежно взяв его у корня и облизав, глубоко берёт его внутрь, поддрачивая кулачком, нежно и покорно лижет и ласкает язычком, слегка покусывая одеревеневший член, скользя по нему губами, приближая неумолимый оргазм. Я извергаюсь ей в рот. Подсасывая, она старается проглотить толчками извергающуюся из меня сперму.

На следующий день, я как обычно позвонил ей, она с опаской в голосе отвечала на всякую глупую болтовню, которой я хотел успокоить её. Я пригласил её в субботу вечером пойти в кино. Она согласилась. Весь сеанс она ёрзала, морщась. Моя ладонь ласкала колено, проникая под юбку между с готовностью расставленных ножек, до горячей киски. Мы целовались в засос, а мой палец массировал бугорок клитора. После мы гуляли по городу, выпивали в пабе. Теперь Эллина рассказы были о том, как она хотела взорваться, но сдержалась. Как тактично уклонилась от ссоры на работе и вообще, о том, какая она хорошая. И о том, что не забывала сдерживаться. На мой вопрос, не ноющая ли от боли попа напоминала ей о том? Чуть покраснев, утвердительно качнула головой.

Результат необходимо было закрепить.

— Всё ли ты мне рассказала?

— Да. Эллка опустила глаза.

— Я думаю, нет. Завтра вечером я приду к тебе, и мы продолжим наш разговор; Эллка открыла дверь и, обняв, жарко поцеловала. Вдохнув запах парфюма, и ощутив тепло её тела, я еле совладал с собой.

— Эллка, ты что-то утаила от меня?

— Нет. Женщина краснела и опустила глаза.

— Хорошо. Разденься до белья, и мы продолжим.

Переступая босыми ногами по ковру, она, встала на середину комнаты лицом ко мне, оставшись в белоснежном белье, подчеркивающим её стройную спортивную фигуру.

— На колени.

Я подошёл и встал напротив.

— Теперь, ты будешь вспоминать, не спеша всё, что происходило. День за днём.

И вскоре, конечно — же, всё выяснилось.

— Ты согласна, с необходимостью неизбежного наказания?

— да.

— Ещё раз и громче.

— Да.

— Принеси ремень. Где он?

— Он в спальне.

— Бегом принеси его. Быстро!

Элла рванулась с места.

— На колени. Прижмись щекой и ладонями к ковру.

На белых ягодицах бледнели следы прошлого урока.

Встав над ней, покачав ремнем, зажал ногами бёдра. Слегка качнув ремнём, принялся методично, хлёсткими ударами обрабатывать ягодицы, не обращая внимание на её слёзные вопли, и не позволяя высвободиться. Излишней боли я старался ей не причинять, стараясь

более в подсознании, чем на ягодицах закрепить следы от экзекуций.

После мы долго и страстно занимались любовью не в силах насытиться друг другом.

Мы не говорили несколько дней, я был занят, приходил домой поздно, сильно уставал.

Наконец, когда я позвонил, Элла сказала, что она болеет, но всё у неё, конечно, хорошо. Я помчался к ней. Она пылала от высокой температуры. Я позвонил знакомому эскулапу. А в свободное до его приезда время наполнил пустой холодильник, и, не смотря на слабые протесты, умудрился приготовить что-то из ограниченного ассортимента старого холостяка.

Мне нравилось за ней ухаживать, и признаться честно, я очень привязался к этой женщине, и через несколько месяцев мы стали жить вместе.

№ Курортный сезон был в разгаре. В лобби отеля было прохладно. За его стеклянными дверьми бесшумно плескались в окруженном величественными пальмами голубом бассейне постояльцы. Такси привезло мужчину и женщину. Они явно были влюблены друг в друга.

Внезапно, помогавший им с кладью швейцар, уронил чемодан.

Молния сверкнула в прекрасных глазах незнакомки, она хотела что-то резкое сказать, но внезапно, виновато посмотрела в глаза своему спутнику, который иронично улыбнулся ей. Он слегка хлопнул свою спутницу по упругой попке. Она, закинув голову, подставила губы.

Поцеловав, он обнял её за талию и повёл в номер по сверкающему огнями коридору.